

DOI: 10.15372/HSS20200302
УДК 821.161'01"15"

Л.И. ЖУРОВА

МАКСИМ ГРЕК И СТАРЕЦ АРТЕМИЙ (К ВОПРОСУ О ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск,
ул. Ак. Николаева, 8

Предметом исследования в настоящей статье стали два вопроса: о достоверности сведений о том, что Максим Грек по просьбе старца Артемия был переведен из Твери в Троице-Сергиев монастырь в 1551 г., и о влиянии Максима Грека на творчество старца. На основе анализа сказаний о Максиме Греке выдвинуто предположение, что автором идеи об участии Артемия в судьбе Максима Грека мог быть Исая Каменчанин (1591 г.). В «Житии Максима Грека», представляющем собой романизированное повествование XVIII в., сюжет об Артемии окрашен художественным вымыслом и в таком виде вошел в науку. В статье приведены результаты сопоставительного анализа посланий старца и сочинений Максима Грека, показана бесосновательность выводов о зависимости творчества Артемия от трудов ученого монаха, обнаружены тематические схождения посланий старца со словами митрополита Даниила.

Ключевые слова: Максим Грек, старец Артемий, Исая Каменчанин, Андрей Курбский, митрополит Даниил, послания, сказания о Максиме Греке, источник, рукописное наследие, групповая идентичность, книжная культура.

L.I. ZHUROVA

MAXIMUS THE GREEK AND STARETS ARTEMIUS (ON THE GROUP IDENTITY PROBLEM)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk,
630090, Russian Federation

The social, cultural and historical situation in Moscow Rus' of the XVI century created the conditions for the rapid growth of public writings. Starets Artemius' works represented by two stages (in Moscow Rus' and in Lithuania), require a monographic study, new editions of his works, and defining the role of his written legacy in the Mediaeval book history. Two issues are the study subject: the information veracity that Maximus the Greek was transferred from Tver to the Trinity-St. Sergius Monastery in 1551 by the request of Starets Artemius, and the effect of Maximus the Greek on the monk's works. Based on the analysis of legend of Maximus the Greek, it was suggested that Isaiah Kamenchanin (1591) could have authored the idea on Artemius' participation in the fate of Maximus the Greek. *The Life of Maximus the Greek*, which is a novel-like narrative of the XVIII century, the story of Artemius was fictionalized and thus became the object of scholarly research via V.S. Ikonnikov's works. The study represents the comparative analysis results of epistles by Starets and the Maximus the Greek's writings; demonstrates the conclusion's invalidity regarding dependence of the writing experience of Artemius on the learned monk's works; reveals convergence between the issues raised in Starets' epistle and Metropolitan Daniil's words. The convergent themes, motives, and locations mentioned in the social and public writings of the XVI century may testify to the relevance of Moscow Rus' social life discussed in the writers' works without indicating relations among the writings, and the influence of works by Maximus the Greek on the writings by Starets Artemius, or Nil Sorsky on Metropolitan Daniil. It is likely that researchers' statements regarding group identity of Artemius and Maximus the Greek were influenced by studying the biography and works by Andrey Kurbsky, whose writings were known to both elders. Researchers discovered cases of emulating the quotations by Maximus the Greek and borrowings from his writings in works by Isaiah Kamenchanin and Andrey Kurbsky, who, together with the learned monk, constituted a group of identical personalities, with the leading role played by the monk of the Holy Mount.

Key words: Maximus the Greek, Starets Artemius, Isaiah Kamenchanin, Andrey Kurbsky, Metropolitan Daniil, epistles, legends of Maximus the Greek, source, written heritage, group identity, book culture.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>.

Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher History Institute SB RAS.

*К 550-летию со дня рождения Максима Грека
Commemorating the 550th anniversary of Maximus the Greek*

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке давно утвердилось мнение, что «по молебному словеси» старца Артемия Максим Грек был переведен из Твери, места своего многолетнего заточения (после суда 1531 г.), в Троице-Сергиев монастырь. Источником такого сведения стали сказания о Максиме Греке, опубликованные в 1898 г. С.А. Белокуровым [1, с. 12–135]. П.М. Занков в исследовании жизни и творчества Артемия (1887 г.) Максима Грека не упоминает [2]. С. Садовский (1891 г.) объясняет заботу Артемия о Максиме Греке солидарностью с ним в вопросах о монастырских владениях [3, с. 80].

Согласно убедительной аргументации Н.В. Сеницыной, пересмотревшей концепции С. Белокурова и И. Денисова, заточение Максима Грека в Тверском Отроче монастыре закончилось по воле Ивана IV, и в 1547 (1548) г. ученый инок был возвращен в Москву, а в Троицком монастыре появился позже [4, с. 194–197]. Это, должно быть, достоверная история. Еще одним доказательством нахождения Максима Грека в Москве в 1547–1548 г. может служить «Ответ вкратце Святому собору», составленный Святогорцем в связи с организацией суда над Исаком Собакой в 1548–1549 гг. [5, с. 98–100]. Максима Грека, видимо, уже находившегося в Москве, Иван IV приглашал на собор против Матфея Башкина в роли свидетеля, но ученый монах, пребывая уже в преклонных летах, вежливо и осторожно от предложения уклонился, причем ответ подготовил [6, с. 549; 7, с. 160].

О жизни Максима Грека в Троицкой обители достоверных сведений сохранилось очень мало. Известна его встреча в 1553 г. с Иваном IV и Андреем Курбским, сопровождавшим царя в поездке в Кирилло-Белозерский монастырь. О.А. Белоброва отметила: «В далеко не полном по сохранности документальном архиве Троице-Сергиева монастыря не отражены факты прижизненного пребывания в Сергиевой обители Максима Грека» [8, с. 363], и почитания ученого монаха после его смерти в обители не было. Интерес к нему и его трудам возрос в связи с учреждением патриаршества в России в 1589 г. [9]. В.С. Иконников обратил внимание на житие Дионисия Зобниновского, в котором сказано: «До сего же Дионисия в дому Сергия чудотворца мало любили Максима Грека книгъ, также и переведенных от ученика его Сильвана, ни во что полагаху те книги и на собор в торжества уставщики не давали им честь» [6, с. 553]. Это свидетельство позволяет (в какой-то мере) оценить положение ученого афонита в Троице-Сергиевом монастыре, в котором он провел последние 7–8 лет своей жизни.

СТАРЕЦ АРТЕМИЙ И СКАЗАНИЯ О МАКСИМЕ ГРЕКЕ

В составе собраний сочинений Максима Грека, составленных русскими книжниками в третьей четвер-

ти XVI в., появляется «Сказание о преподобном Максиме Греке», которое выполнило функцию предисловия к своду трудов писателя [10, с. 44]. В.В. Калугин (в принципе его поддержала Н.В. Сеницына) оспорил точку зрения И. Денисова об авторстве А. Курбского [10, с. 43; 11, с. 32]. Важно отметить, что в этом «Сказании» нет сведений о роли Артемия в судьбе Максима Грека:

«Таже последи милостивым царем, благочестивым православным государем, великим князем Иваном изведен бысть из Твери и жити ему повеле во обители всепетыя и поклоняемыя Троицы в Сергиеве монастыре». (*Пространная редакция*) (цит. по: [10, с. 84]).

«И тако повелением царя Ивана Васильевича взят бысть из Твери, и жити ему повеле во общей обители у Живоначальней Святей Троицы в Сергиеве монастыре». (*Краткая редакция*) (цит. по: [10, с. 88]).

Другой памятник – «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего» (далее: «Сказание известно»), – сохранился в составе Четых миней Иоанна Милютина (1654 г.). Н.В. Сеницына признала гипотезу И. Денисова об авторстве Исаяи Каменчанина (1591 г.), но с оговорками (о трехчастном составе текста) [10, с. 69–71]. Впервые информация о просьбе игумена Артемия появилась в первой части (составленной Исаяей) «Сказания известно», и она получила самое широкое распространение:

«И по молебному словеси и благоразсужению Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря игумена Артемия царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелевает премудраго старца Максима Грека с честию к себе взяти на Москву и быти ему во ослабе» (цит. по: [10, с. 96]).

Этому свидетельству трудно доверять, поскольку автор «Сказания» далее пишет о кончине Артемия, которая произошла якобы при жизни Максима:

«Прежде упомянутому же истинному братолюбцу Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря игумену Артемию, ко Господу отшедшу, бывает по нем спутшественник преподобныи он старец сыи [Максим Грек-Л.И.] во глубоцеи старости». (цит. по: [10, с. 96–97]).

Известно, что Артемий умер в Литве в 70-х гг. XVI в. (1575 г.) [12, с. 458–462]. Максим Грек, по версии Н.В. Сеницыной, скончался в декабре 1555 г. [4, с. 198]. Б.М. Клосс выдвинул гипотезу об уходе Максима Грека 12 декабря 1557 г. [13, с. 139]. О.А. Белоброва обратила внимание, что в перечне захоронений на территории Троице-Сергиевого монастыря указана дата смерти Максима Грека – 7064 [1556] [8, с. 111].

Итак, сведения о «молебном словеси» принадлежат Исаяе – автору «Сказания известно». Киевский монах, приехавший в Москву в 1561 г. с заданием получить книги в «царской книгохранильнице» для переписки и печатания их в Литве и Украине, но увлек-

шийся поисками и вышедший за рамки поставленных задач, «задержался» на Руси на 30 лет [10, с. 52–55; 14, с. 203–205]. Есть сведения, что он пользовался бумагами А. Курбского [15, с. 447].

А. Курбский в «Истории о великом князе Московском» сообщил, что Иван Грозный Максима «изъ зачочения свободилъ по совету некоторых синглитовъ своихъ, исповедающихъ ему, иже отнюдь неповинне стражет таковыи блаженныи мужъ» [16, стлб. 208]. Под статус «синклита», доказывавшего невиновность Максима, Артемий не подходит, а Курбский, хорошо знавший Артемия, вероятно, отметил бы особую роль старца в этом деле, если бы сам факт имел место быть. Следовательно, в «Сказании известно» налицо мифологизация «поступка» старца Порфириевой пустыни, что вписывается в программу поведения Исаяи – утвердить авторитет Максима Грека, писательскому опыту которого он старался подражать.

С именем Исаяи Каменчанина, с западнославянской книжной культурой может быть связана история текста «Слово ответно Николаю Латынину» [17, с. 139; 18, с. 49–50]. Оно представляет собой компилятивный текст, составными частями которого были фрагменты статей антилатинской тематики: кроме «Слов на латинов» Максима Грека, здесь находим сочинения Никиты Стифата и Никиты Никейца, послание митрополита Иоанна II папе Клименту и др. В заключительной его части читаем: «Егда же разумом просвещенъ будеши, господина и учителя Данила, митрополита всея Руси, о том воспросиши, тои ты научить всю истину <...> Егда изящнаго разума Христова закона доктора, святаго митрополита многими сообщена художества узриши, любезне слышати имаши» [18, с. 386]. С этим пассажем связано происхождение в науке XIX в. [6, с. 434–435]) ошибочной точки зрения, сохранившейся до сих пор, о высокой оценке Даниила, данной якобы Максимом Греком. «Слово ответно», как показало исследование истории текста антилатинских посланий, Максиму Греку не принадлежит [17, с. 139; 18, с. 497–505]. Следовательно, Святогорец не называл Даниила «доктором закона Христова». Автором «похвалы» мог быть кто-то из книжников Киевской митрополии (Исаяи Каменчанин?). Когнитивная роль исторической памяти не выдерживает критики со стороны прагматического подхода.

Этот факт может служить культурным контекстом для исследования вопроса о роли Артемия в судьбе Максима Грека. Появление сообщения об Артемии как инициаторе перевода Максима Грека в Троице-Сергиев монастырь можно, видимо, объяснить некой идеализацией старца Порфириевой пустыни. Ее элементы видим в том, что Артемия чаще всего представляют исключительно как игумена Троице-Сергиева монастыря, хотя настоятелем он был всего несколько месяцев, и его пастырская деятельность ничем не отмечена. Артемий был поставлен в игумены знаменитой обители в начале 1551 г. изволением Ивана IV, а в конце того же года самовольно ее покинул и вернулся в Порфириеву пустынь (вблизи Кирилло-Белозерского мона-

стыря), ставшую ему родным местом. Пустынь была основана монахом Порфирием, нестяжателем, который в феврале 1521 г. получил назначение на игуменство в Троице-Сергиевом монастыре, но, попав в опалу из-за поддержки Василия Ивановича Шемячича, в сентябре 1525 г. оставил настоятельство и вернулся в Белозерскую пустынь. Артемия с Порфирием во второй половине 30-х гг. связывали добрые отношения. Маршрут возвращения обоих игуменов из Троицкого монастыря в пустынь служит неким смысловым контекстом в биографии старца Артемия. В феврале 1525 г. Порфирий, вероятно, присутствовал на соборе, разбиравшем дело Максима Грека [19, с. 90], и через десять лет он мог рассказывать об этом событии Артемию, перешедшему в 1535 (1536) г. из Комельского монастыря в Порфириеву пустынь. Между 1543 и 1550 г. Артемий жил в Псково-Печерском монастыре, но поставлен в игумены Троицкого монастыря из монахов пустыни [12, с. 458–462].

В «Житии Максима Грека», представляющем собой романизованное повествование XVIII в.¹, сюжет об Артемии окрашен художественным вымыслом и в таком виде вошел в науку через труды В.С. Иконникова [6, с. 528–534]. В «Житии» говорится, что царь указал Максиму Греку на место покойное у живоначальной Троицы, у «любезного ему друга Артемия», и что ученый монах жил при нем «въ великой чести и похвале» (цит. по: [1, с. LXXVII]). Достоверным источником «Житие Максима Грека» считаться не может.

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА АРТЕМИЯ И РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVI в.

Данных, указывающих на знакомство Артемия с трудами Максима Грека, в общем-то нет. Сам старец в своих посланиях Святогорца не упоминает. Посланий Максима Грека к Артемию тоже не обнаружено. Могли ли несколько месяцев общения Артемия с Максимом Греком в 1551 г. в Троице-Сергиевом монастыре повлиять на творчество инока-пустынника? Случаи неверных оценок в отношении Максима Грека с его современниками мы видели.

На конструирование групповой идентичности Артемия и Максима Грека, вероятно, оказало влияние изучение биографии и трудов Андрея Курбского. Князь считал Максима Грека своим учителем, называл «философом», встречался с ним в 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, переводческая программа его кружка оформилась под влиянием ученого грека [15, с. 499]. С Артемием Курбский вел переписку, много общался, находясь в Литве, называл его «своим отцом и господином» и признавался, что идея создания сообщества искусных переводчиков в Миляновичах родилась в его беседах со старцем. Артемий выразил желание помогать в работе «по-словенски», но сделать этого он уже не успел [12, с. 87]. Итак, связанными можно счи-

¹ Житие сохранилось в единственном списке XVIII в. (РГБ. Ф. 310. № 338. XVIII в.), составлено С.Ф. Моховиковым, опубликовано С.А. Белокуровым [1, с. XLIII–LXXXII].

тать пары: Максим Грек и Андрей Курбский, Артемий и Андрей Курбский, но группа: Максим Грек, Артемий и Андрей Курбский, – скорее всего, сложилась в научных построениях, нежели в исторической реальности.

Как правило, Максима Грека и Артемия объединяют на основе их нестяжательских взглядов. Категория «нестяжание» стала символом групповой идентичности публицистов. Но современные подходы к изучению проблемы отношений стяжателей и нестяжателей [20, 21] позволяют пересмотреть существующие концепции. Нестяжательские взгляды Максима Грека имеют целый ряд особенностей [7, с. 103–130]. Н.В. Синицыной установлено, что главной из них нужно признать тот факт, что Святогорец не был сторонником секуляризации (как Вассиан Патрикеев и Артемий), он главным образом резко критиковал лихоимство, ростовщичество [4, с. 203–205]. Его рассказы об афонских обителях иллюстрируют отношение писателя к монастырским вотчинам, оно было достаточно нейтральным, умеренным. Признать тождественными позиции Максима Грека и Артемия относительно нестяжательства, видимо, не совсем правомерно.

В продолжение данной идеи Максима Грека и Артемия в науке предлагаются концепции о влиянии ученого афонца на труды старца. Замечания В.С. Иконникова о некоторых совпадениях позиций двух проповедников по вопросам изложения христианского вероучения, чертах сходства их сочинений [6, с. 544] в отечественной науке получили статус положений, не выносимых на защиту. Исследователи пишут о связях посланий Артемия с сочинениями Святогорца, не приводя доказательств [22]. В.В. Калугин, считавший, что «Максим Грек, Артемий и Курбский были хорошо знакомы друг с другом еще в Московской Руси» [11, с. 89], повторил заключение В.С. Иконникова о том, что «Послание кь въпросившему слова Божия» и послание неизвестному (царю) написаны Артемием под влиянием «Послания к неким инокиням» Максима Грека, а послание старца «Люторским учителям» обнаруживает сходство со «Словом о поклонении святых икон» [12, с. 86]. Следует заметить, что атрибуция «Слова о поклонении святых икон» Максиму Греку не доказана.

«Послание кь въпросившему слова Божия» [23, стлб. 1400–1420] может быть соотнесено с «Посланием к неким инокиням» Максима Грека [24, с. 308–316] только по одной позиции: это ответные послания, т.е. послания, написанные по просьбам адресатов. В книжной культуре XVI в. такая практика была чрезвычайно распространена, и эпистолярный жанр, соединивший традиции книжной культуры и делового письма, создавал благоприятные условия для выражения личностного начала, укрепления авторского самосознания и тем самым способствовал развитию отечественной публицистики. Примером могут служить, кроме эпистолий Максима Грека, послания митрополита Даниила [25, с. 208–257, 268–273]. Например, послание инокам Иосифова монастыря московский архиерей открывает признанием:

«Братия моя духовная и отци! Велми удивляюся о семь, яко вопрошаете мя, худаго и недостойнаго инока Данила, что есть уставъ общаго жития, и о семь повелеваете ми писаниемъ засведельствовати небрегущимъ и невнимающимъ» (цит. по: [25, с. 245]).

Максим Грек в самом начале «Послания инокиням» объяснил свой замысел:

«Просять у мене, убогаго и нищаго, елико въ добродетелех и въ разуме книжномъ, честные и премудры дщери небеснаго Царя, въспоминание жития боголепнаго <...> Откуда убо имамъ азъ, убогъ сыи въ такихъ, сицевую предложити имъ трапезу душеполезную и пищу неистошаему?» (цит. по: [24, с. 308–309]).

В «Послании кь въпросившему слова Божия» мотивация письма изложена Артемием в пространном вступлении:

«Похвално желание подвигнуть еси, возлюбленные брате, взыскал слышати слово Божие <...> Но понеже понудилъ еси насъ, недостойныхъ, выше нашей меры, еже и написано, послати Господнихъ заповедей воспоминание, тебе же и сущимъ с тобою братьямъ нашимъ <...> Азъ есмь человекъ грешень и немощень, бояхся начати таковая» (цит. по: [23, стлб. 1400–1401]).

Таким образом, общим моментом в посланиях Артемия и Максима Грека стало «воспоминание заповедей». Модель: ссылка на адресата, самоуничижительная формула автора, наставления – характерные элементы ответного послания, и в публицистике XVI в. она становится топикой жанра. По содержанию Послание Артемия не совпадает с сочинением Максима Грека об исправлении иноческого жития. Афонит обсуждал во всех тонкостях вопрос об исполнении заповедей: «Зачяло премудрости страх Господень...». Артемий обратился к ряду вопросов, якобы заданных ему неким лицом. Свою позицию публицист представил в самом начале:

«Пръвое же въпрошение твое се есть: хотелъ быхъ ведати главнейшия заповеди Господня. Ответъ же о семь вскоре подамы не от себе, но от святаго Еуангелиа» (цит. по: [23, стлб. 1402]).

Писать «от Божественныхъ Писаний» – традиция, хорошо развитая в волоколамской книжной школе, к которой относился и Нил Сорский, его учению старался следовать Артемий. Такая позиция писателей обусловлена желанием придать ответу убедительность.

Церковный публицист в сильную позицию начала своих ответов ставит вопрос о главных заповедях. Обращаясь к словам Христа о первой заповеди: «възлюбиши Господа своего...», второй заповеди: «възлюбиши ближняго своего...» (Лк 10: 27, Мрк 12: 30), – Артемий подчеркнул: «самъ Господь своимъ заповедемъ чинь възложилъ есть» (цит. по: [23, стлб. 1402]). Заповедь любви – основная тема в сочинениях публицистов XVI в. Так, проповедником любви В. Жмакин называл Даниила [26, с. 605]. Положение о духовной любви занимает ведущее место в суждениях Максима Грека о христианском долге православно-го. Этот мотив – один из значимых в богословских построениях Артемия, но нет оснований видеть влияние

трудов вагопедского монаха на старца. Сходство можно объяснить общими корнями богословских учений двух иноков, которые ведут к Афону. Артемий познакомился с ними через своего учителя – Нила Сорского, прошедшего несколько лет на Святой Горе. Максим Грек, приняв монашеский постриг в Вагопедском монастыре, в течение десяти лет (1506–1516 гг.) изучал на Афоне труды учителей Церкви.

Ряд вопросов, поднятых Артемием в «Послании къ въпросившему», знакомы всем публицистам XVI в. Адресат «испытует» старца: «како не заблудити от истиннаго пути». Ответ дан классический:

«И о сем совет даю тебе: свяж себе законы божественных писаний и последуй темъ писаниемъ же истинным и божественнымъ. “Писания бо многа суть, но не вся божествена”» (цит. по: [23, стлб. 1406]).

Артемий в качестве аргумента приводит хорошо известные слова Нила Сорского из послания своему ученику – монаху Кирилло-Белозерского монастыря Гурию Тушину. Их он повторяет во многих своих посланиях, призывая к разборчивости в чтении, поскольку неверно понятый текст порождает ересь. Этой установкой руководствовался Даниил: будучи игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, запрещал келейное чтение. Вместе с тем, в другом сочинении, «Послании царю» (Ивану Грозному), Артемий осуждает «неких, мнящихся быти учителей», которые говорят: «Грехъ простымъ чести Апостоль и Евангелие», «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши», «тоже прельщающе глаголють: зашелся есть в книгахъ» (цит. по: [23, стлб. 1383–1384]). Артемий – сторонник христианского просвещения. Так, он послал царю книгу «от божественных писаний и от великих отец нравоучительная наказаниа» с наставлением:

«въ нихъ же отескаа преданиа и человеческия обычаи навькнеши, пачеже о Господнихъ заповедехъ просвещение приимеши» (цит. по: [23, стлб. 1385]).

Суть его «книжного учения» основана на словах Нила Сорского: «Писания бо многа суть, но не вся божествена». Артемий постоянно призывал отличать истинное, божественное чтение от ложного. Он высоко чтит Василия Великого, переписал «Постнические словеса» учителя Церкви, царю настоятельно советовал:

«И аще хоцеши истинною навькнути сия, прочти со прилежаниемъ всякимъ просветительную книгу Великаго Василия, не житие его, но самое священныя руки его списание» (цит. по: [23, стлб. 1388]).

Интенция посланий Ивану Грозному Максима Грека принципиально отличается от замысла Артемия. Главы Иоасафовского кодекса – 24 («Слово к начальствующему на земли») и 25 («Главы поучительны к начьялствующим правоверно») – посвящены проблемам политической этики. Наставления и поучения правителям были популярны в Средневековье. Так, хорошо известно в древнерусской книжной традиции, например, Послание Константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу-Борису. Максим Грек в своем авторском кодексе изложил нравствен-

ные нормы, которых должны придерживаться верховные власти в социальной и политической сферах. Оба сочинения представляют программу, моральный кодекс «начальствующего», «идейные основы» для ведения политики молодого русского царя. Еще одно послание Максима Грека Ивану IV сохранилось в Румянцевском сборнике. Первая его часть содержит рассуждения о разумном человеке, который украшается истиной, правыми делами и кротким нравом; вторая – собственно похвалу Ивану IV, который властью, врученной ему от Бога, правит «правдою и правосудием, очищая ее премудрейшими умыслени и строении от неправдования, разбоинничества же и кровопролития неправеднейших и клеветникъ бездушнейшихъ...»². Как видим, различия между посланиями старца Артемия и Максима Грека одному адресату – Московскому царю – принципиальные.

Анализ «Послания къ въпросившему слова Божьего» старца Артемия позволил установить, что содержание и последовательность поставленных в нем вопросов удивительным образом совпадают с тематикой и архитектурной «Сборника» митрополита Даниила. Кодекс московского архиепископа был составлен в начале 30-х гг. XVI в. [25, с. 174], не имел широкого распространения. Артемий мог с ним познакомиться во время своего игуменства в Троице-Сергиевом монастыре, где находился бывший митрополит Иоасаф, который владел коллекцией книг, преимущественно «написанных в митрополичьей мастерской во время правления Даниила» [27, с. 116], и список «Сборника» РГБ. Ф. 173/Л. № 197, видимо, принадлежал ему, как и сборник сочинений Максима Грека (РГБ. Ф. 173/Л. № 42), сохранивший владельческую запись «Митрополита Иоасафа».

Следом за вопросами о первых заповедях в «Послании къ въпросившему» заявлена тема: «О различии учителей, и како тех послушати подобаетъ?». Артемий, ссылаясь на Дионисия Ареопагита, пишет: ложный учитель тот, кто учит не от божественных писаний, «но от своего умысления, по хотению кождо» (цит. по: [23, стлб. 1411]). Предостережениям, как уберечься от лживых пророков и лживых учителей, как их распознать, посвящено пространное Слово 1 «Сборника» Даниила:

«Яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей, и яко отъ сего познается ложный учитель и ложный пророкъ; от еже не учити отъ божественныхъ писанин, но отъ злобы своего сердца по лукавству диаволу на пагубу многимъ...» (цит. по: [25, с. 476]).

Мотив лжеучительства проходит через ряд сочинений Максима Грека. Так, во вступлении к «Слову против лъжливого списания Николая Немчина» публицист изложил кредо определения лжепророков, «тематическим ключом» которого служили слова апостолов: «Внемлите от лъживыхъ пророковъ, иже приходятъ къ вамъ въ кожахъ

² Текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 256. № 254. XVI в. Л. 293 об.

овчиихъ, внутрь же суть вльци хъщници» (Мф 7: 15); «сицевии же суть лживии апостоли, делателие лъствиивии, преобразуеми въ апостолехъ Христовыхъ» (2 Кор 11: 13). Максим Грек переименовывает «лживых пророков» в «лживых учителей» и дает им определение, это:

«глаголющие от чрева своего, а не по еуагельскому законоположению и богословию, иже преухыщреннымъ суесловиемъ прелщаютъ сердца простыхъ» (цит. по: [18, с. 243]).

Таким лжеучителем он называет «лъстиваго Николая Немчина» (Николая Булева [15, с. 101–103]). Параллель (в том числе синтаксическая) в характеристике лжеучителей – «учить не от божественных писаний, но от своего умышления» (Артемий) // «учити не отъ божественныхъ писании, но отъ злобы своего сердца» (Даниил) // «глаголющие от чрева своего, а не по еуагельскому законоположению и богословию» (Максим Грек) – пример топоса в проповеднической речи. Его вариации позволяют видеть оригинальность каждого церковного публициста. Разнообразие стилей, подходов, наблюдаемых в трудах публицистов, свидетельствует об интенсивности литературного процесса в Московской Руси, о богатстве книжной культуры русского Средневековья.

Следующий вопрос, который обсуждается в «Послании къ въпросившему» старца Артемия: «Что есть, еже не судите и не осужени будете?» (Лк 6: 37) [23, стлб. 1413]; он поставлен от имени Василия Великого («Отъ Великаго Василия въпросъ»). На него подробно ответил Даниил в 9-й главе «Соборника», заглавие которой представляют собой собственно библейскую цитату: «Не судите, да не судими будете» [25, с. 680], но в ней нет ссылки на учителя Церкви (Василия Великого). В трудах Нила Сорского и Максима Грека не содержится специального комментария этого евангельского текста.

В «Соборнике» Даниила название Слова 13 составлено из вопроса: «Что есть мир?». В Послании Артемия он тоже поставлен, и ответ на него звучит от имени Иоанна Богослова (1 Ин 2: 15–17):

«Иоанъ же Богословець глаголетъ: не любите мира, ни яже в мире, яко все, еже в мире, похоть плотская...» (цит. по: [23, стлб. 1415]).

Эта же библейская цитата стала основным элементом архитектоники пространного сочинения Даниила [25, с. 795–811].

Артемий в «Послании къ въпросишему» высказывается на тему брака:

«А понеже слашахъ о васъ, яко неции хулять бракъ, узаконенный от Бога, и сие отъ многоневедения глаголють таковии, апостолу глаголющу: “честень бракъ и ложе нескверно”» (Евр 13: 4)» (цит. по: [23, стлб. 1417]).

В «Соборнике» Даниила три последних Слова (14–16) посвящены вопросам брака, и слова апостола Павла выполняют в них ключевую роль. Изложение одной темы в сочинениях Артемия не дублирует текст Даниила, публицист находит свои слова выразительности, вместо пространного трактата у него сформу-

лирован тезис, но проблемная зависимость Послания Артемия от «Соборника» Даниила очевидна. Так, рассуждения о «брашне и питии», которые продолжают текст Послания Артемия, у Даниила составили содержание Слова 10 [25, с. 720–733]. Концепт: «не брашно – зло и питие, но зло – объядение и пианство, ниже жена – зло, но блудъ» (цит. по: [23, стлб. 1419]) – общее место христианских проповедей, и он стал топосом сочинений публицистов. В рукописном наследии Максима Грека нет сочинения, специально посвященного осуждению «брашна и пития», но небольшое слово под названием «На несътное чрево и безчисленных золь виновно иночествующимъ» может служить неким фоном для составления культурного контекста. Основной его пафос – наставление инокам:

«О, чрево безсудно и николи же насыщаемо, его же ради, иноци несмыслени, поруганием бываем богпротивником бесом» (цит. по: [24, с. 204]).

Нил Сорский в «Уставе» чревообъядению посвятил отдельный раздел 5-й главы, но его наставления инокам на эту тему не пересекаются с поучениями других публицистов. Таким образом, совпадения тем в сочинениях писателей свидетельствуют об актуальности нравственно-религиозных проблем в общественной жизни Московской Руси XVI в.

Примерами рецепции сочинений Максима Грека служит творчество Исаяи Каменчанина и Андрея Курбского. Западнорусскому монаху принадлежат небольшие произведения, написанные в подражание ученому греку: «Плач» и «Жалоба». В них находим слова:

«Не скорби и не тужи, возлюбленаа моя душе, и не вдавай, Господа ради, в всемерную скорбь» (цит. по: [14, с. 205]),

которые представляют собой реминисценцию небольшого сочинения Максима Грека, его начало:

«Не тужи, ни скръби, ниже тоскуи о них же, любезна ми душе, стражеша бес правды...» (цит. по: [28, с. 131]).

Обнаруженные Э. Кинаном текстуальные сходства этих сочинений Исаяи с первым посланием А. Курбского Ивану Грозному породили бурную дискуссию о подложности переписки князя с царем. Одним из вариантов ее разрешения стало предположение о существовании общего источника у сочинений монаха и опального князя [15, с. 446–447]. Таким источником, вероятнее всего, был текст Максима Грека.

Д.М. Буланиным приведены примеры заимствований А. Курбским из сочинений Максима Грека [29, с. 39]. Ничего подобного не видим в посланиях старца Артемия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество старца Артемия, безусловно, нуждается в монографическом исследовании и переиздании его трудов, определении места его рукописного наследия в истории публицистики Московской Руси. Как малоправдоподобно предание о том, что Зиновий Отенский был учеником Максима Грека [15, с. 354], так не вы-

держивает критики и точка зрения, введенная в науку В.С. Иконниковым на основе сомнительных источников о роли старца Артемия в судьбе Максима Грека. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отношения двух старцев, встретившихся в Троице-Сергиевом монастыре волею судеб, а не по инициативе Артемия, не были творчески связанными. Жизненный путь и труды каждого представляют собой уникальные явления в историко-культурном процессе русского и европейского Средневековья и требуют дальнейшего исследования, на основании которого можно будет разработать теоретические модели множественности идентичностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. 886 с.
2. Занков П.М. Старец Артемий, писатель XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 11. С. 47–64.
3. Садковский С. Артемий, игумен Троицкий // Чтения Общества истории древностей российских. 1891. Кн. 4, отд. 3. С. 1–143.
4. Симицына Н.В. Максим Грек. М., 2008. 236 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1162).
5. Журова Л.И. «Судный список Максима Грека» и церковная публицистика XVI в. (митрополит Даниил и Максим Грек) // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 90–100. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 36).
6. Иконников В.С. Максим Грек и его время. М., 1915. 651 с.
7. Симицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
8. Белоброва О.А. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. С. 363–368.
9. Крутецкий В.Ю. Максим Грек и учреждение патриаршества в России (Разрешительная грамота патриарха Иеремии II Максиму Греку, июль 1588г.) // 400-летие учреждения патриаршества в России. Спецвыпуск. Roma, 1989. С. 115–125.
10. Симицына Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2006. 136 с.
11. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 417 с.
12. Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. 716 с.
13. Клосс Б.М. О дате смерти Максима Грека // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. IV–V. С. 136–139.
14. Симицына Н.В. Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек (Из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. Л., 1988. С. 195–208.
15. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: вторая половина XIV–XVI в. 518 с.
16. Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб., 1914. Т. 311. 622 стлб.
17. Симицына Н.В. Из истории полемики против латинян в XVI веке (о датировке и атрибуции некоторых сочинений Максима Грека) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 130–141.
18. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
19. Судные списки Максим Грека и Исаака Собака / подг. Н.Н. Покровского. М., 1971. 192 с.
20. Плигузов А.И. Polemika в русской церкви первой трети XVI в. М., 2017. 420 с.
21. Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: иосифляне, нестяжатели, еретики. СПб., 2017. 154 с.

22. Климков О.С. К вопросу об исихастских корнях творчества Артемия Троицкого // Философия и культура. 2018. № 1. С. 1–12.
23. Послания старца Артемия, XVI в. // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Стлб. 1201–1448.
24. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. 432 с.
25. Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020. 848 с.
26. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с.+71 с.
27. Клосс Б.М. Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 114–121.
28. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: в 2 ч. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 303 с.
29. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. 278 с.

REFERENCES

1. Belokurov S.A. On the library of the Moscow sovereigns in the XVI century. Moscow, 1898, 886 p. (In Russ.)
2. Zankov P.M. Starets Artemius, a writer of the XVI century. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1887, no. 11, pp. 47–64. (In Russ.)
3. Sadkovsky S. Artemius, the hegumen of the Trinity-St. Sergius Monastery. Chteniya Obshchestva istorii drevnostey rossiyskikh, 1891, bk. 4, pt. 3, pp. 1–143. (In Russ.)
4. Simitsyna N.V. Maximus the Greek. Moscow, 2008, 236 p. (The life of wonderful people: ser.biogr. iss. 1162). (In Russ.)
5. Zhurova L.I. "The Judicial List by Maximus the Greek and the ecclesiastical social and political writings of the XVI century (Metropolitan Daniil and Maximus the Greek). The issues of preservation of the Russian spiritual culture in the manuscripts of the XVI-XVII centuries. Novosibirsk, 2017, pp. 90–100. (Archeography and source study of Siberia; vol. 36). (In Russ.)
6. Ikonnikov V.S. Maximus the Greek and his time. Moscow, 1915, 651 p. (In Russ.)
7. Simitsyna N.V. Maximus the Greek in Russia. Moscow, 1977, 332 p. (In Russ.)
8. Belobrova O.A. On Maximus the Greek veneration in the Trinity-St. Sergius Monastery. Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. Saint Petersburg, 2007, pp. 363–368. (In Russ.)
9. Krutetsky V.Yu. Maximus the Greek and establishing the institute of patriarchy in Russia (the Letter of Assent granted by Patriarch Jeremiah II to Maximus the Greek, July 1588). 400-letiyе uchrezhdeniya patriarshestva v Rosii. Roma, 1989, pp. 115–125. (In Russ.)
10. Simitsyna N.V. Tales of Venerable Maximus the Greek (the XVI-XVII centuries). Moscow, 2006, 136 p. (In Russ.)
11. Kalugin V.V. Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. The theoretical views and the literary techniques of an ancient Russian writer. Moscow, 1998, 417 p. (In Russ.)
12. The Orthodox encyclopedia. Moscow, 2001, vol. 3, 716 p. (In Russ.)
13. Kloss B.M. On the date of death of Maximus the Greek. Rossiya i khristianskiy vostok. Moscow, 2015, iss. 4/5, pp. 136–139. (In Russ.)
14. Simitsyna N.V. Isaiiah Kamenets-Podolsky and Maximus the Greek (from the culture history of the second half of the XVI century). Literatura i iskusstvo v sisteme kultury. Leningrad, 1988, pp. 195–208. (In Russ.)
15. The dictionary of books and bookmen of Ancient Rus'. Iss. 2 (the second half of the XVI–XVII centuries). Leningrad, 1988, 518 p. (In Russ.)
16. The writings by Prince Kurbsky. Vol. 1. Original works. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arheograficheskoyu komissieyu. Saint Petersburg, 1914, vol. 311, column 622. (In Russ.)

17. *Simitsyna N.V.* From the history of controversy against Romans in the XVI century (on dating and attribution of certain writings by Maximus the Greek). *Otechestvennaya istoriya*, 2002, iss. 6, pp. 130–141. (In Russ.)
18. *Venerable Maximus the Greek.* Writings. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (In Russ.)
19. *Sudnye spiski* (Judicial lists) by Maximus the Greek and Isak Sobaka, comp. N.N. Pokrovsky. Moscow, 1971, 192 p. (In Russ.)
20. *Pliguzov A.I.* Controversy in the Russian Orthodox Church in the first third of the XVI century. Moscow, 2017, 420 p. (In Russ.)
21. *Grigorenko A.I.* The religious thinking of Moscow Rus': Josephites, non-possessors, heretics. Saint Petersburg, 2017, 154 p. (In Russ.)
22. *Klimkov O.S.* On the hesychastic roots of works by Artemius Troitsky. *Filosofiya i kultura*, 2018, no. 1, pp. 1–12. (In Russ.)
23. Epistles of Starets Artemius, the XVI century. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Saint Petersburg, 1878, vol. 4, columns 1201–1448. (In Russ.)
24. *Venerable Maximus the Greek.* Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (In Russ.)
25. *Daniil, Metropolitan of Moscow.* Writings. Moscow, 2020, 848 p. (In Russ.)
26. *Zhmakin V.* Metropolitan Daniil and his writings. Moscow, 1881. 762+71 p. (In Russ.)
27. *Kloss B.M.* The library of Moscow Metropolitans in the XVI century. *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR*. Moscow, 1974. pp. 114–121. (In Russ.)
28. *Zhurova L.I.* The author's texts by Maximus the Greek: the manuscripts and literary tradition. Pt. 2. Novosibirsk, 2011, 303 p. (In Russ.)
29. *Bulanin D.M.* Translations and epistles by Maximus the Greek. Leningrad, 1984, 278 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.04.2020

Дата рецензирования 03.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020